

В. Н. СИДОРЦОВ

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В центре внимания современного исторического исследования все более превалирует субъективный опыт человека. При этом в движение приводится не только фактор ситуации, в которой находится человек, но и фактор человека, под которым подразумевается, «что это не абстрактный человек вообще, а реальные люди, с реальной динамикой их памяти, целей, мотивов, социальных ролей и т. п.»¹. В связи с этим наблюдается разнообразие тематических исследований, имеющих приоритетов, зон особого интереса и горячих споров, теоретических и методологических поисков.

В расширившемся диапазоне исследовательских подходов важное место занимают лингвистические методы. Они дают возможность по-новому осмыслить те явления и факты, которые ранее казались убедительными и не вызывали сомнений. Актуальными в данном отношении можно назвать и некоторые аспекты славянской истории. Среди них — процесс формирования славянской народности, образования русского государства. Как отмечал в свое время М. Н. Тихомиров, «до сих пор нет положительного лингвистического ответа на данный вопрос»².

В лингвистических исследованиях справедливо утверждается, что если энтоним существует несколько столетий, то на современном этапе он может «обозначать совсем не тех, кого в начале»³. В полной мере это относится к термину «Русь», попытки лингвистической интерпретации которого вызывают ряд затруднений, хотя долгое время ответ на вопрос о лингвистической природе и происхождении термина был однозначным. Его появление связывалось с тем, что одно из многочисленных славян-

ских племен, которое поселилось на реке Рось (приток Днепра), стало называться «Рось» или «Русь».

Однако в 1980-х гг. исследователи поставили вопрос: кто же дал такое название реки до прихода славян?⁴ М. И. Артамонов считал, что территория, за которой закрепилось название «Русь», никогда не была славянской⁵. Аналогичной точки зрения придерживается современный белорусский этнограф М. Ф. Пилипенко, который утверждает, что территориальный ареал, ставший позднее центром Киевской Руси, был заселен с севера неславянскими финноязычными и германоязычными группами⁶.

Можно предположить, что от этих групп и произошло название «Русь», претерпевшее известную трансформацию. С учетом взгляда М. Ф. Пилипенко напрашивается вопрос об относительной идентичности немецкого названия «Пруссия» и названия «Русь», позднее «Россия». Установление связи между ними позволяет говорить о семиотической «перекодировке» этих этнонимов (Пруссия-Русь-Россия) под влиянием различных факторов в определенный хронологический период. Разумеется, применение этого приема к реальным процессам возникновения «Руси» предполагает его существенную корректировку и уточнение. Так или иначе, важнейшими составляющими этого процесса должна выступать преемственность политических, этнических и культурных традиций.

В контексте парадигмальных представлений об этногенезе восточных славян возникают концепции, ставящие под сомнение традиционное понимание феномена древнерусского ареала и его периферии. Показательной в этом смысле является гипотеза А. Буре, суть которой можно выразить формулой «нерусская Россия» и «русская Литва». Основным методом в его исследовании является компаративный, позволяющий устанавливать как сходство, так и различие, как универсальность, так и своеобразие.

А. Буре опровергает принадлежность ряда русских земель к славянству (Ростова, Орла и др., о чем свидетельствуют их названия) и считает, что к исконно русским территориям в России следует отнести только несколько областей: Псков, Новгород, частично Смоленск и Брянск. Вся остальная европейская часть России — это русифицированные территории⁷. Московия по своей природе никогда не была славянской, а долгое время яв-

лялась столицей Великой Татарии и называлась татарской. В этой связи высказывается сомнение в этнической принадлежности некоторых известных деятелей русской истории, в том числе и А. Невского, которого сталинская историография сделала русским. В действительности он никогда не был русином, а был татарин, чьи предки вышли из областей Орла, Тулы, Казани, Перми, а также Доуралья.

В отношении второго аспекта гипотезы — «русская Литва» — А. Буре предлагает концептуальное разграничение понятий «Русинский мир» и «Московития». По убеждению исследователя, ареалом Русинского мира является Великое княжество Литовское. Известные выходцы из ВКЛ, например

первопечатник Ф. Скорина, называли себя русинами, а в самом княжестве был один-единственный язык, устный и письменный, — русинский, для которого не было характерно «дзеканье», пришедшее, как полагают некоторые историки, с востока⁸. «Дзеканье», считает А. Буре, — компонент балтийского говора, который был искусственно «внедрен» в русинский язык историками императорской России с целью дерусификации, в результате чего появились названия территорий «Белоруссия» и «Украина» как окраинных по отношению к России⁹.

Гипотеза А. Буре показала приверженность части историков к тезису об «азиатском факторе» в процессе образования Русинского мира. Такая позиция унифицировала русских, украинцев и белорусов, тогда как правомерно говорить об их уникальности. Русинский мир имел древние традиции демократии и был всегда важной и неотъемлемой составной частью общего Западного мира и никогда себя не противопоставлял ему.

В связи с учетом человеческого фактора изменяется отношение к тексту как нарративному историческому источнику¹⁰. Он уже воспринимается не просто в качестве носителя некоторой предметной информации. Представители «лингвистического подхода» в мировой историографии (М. Фуко, К. Деррида) понимают под текстом продукт сложнейшей творческой и психологической деятельности с целью максимального воздействия на человека.

Текст — основная дефиниция в лингвистической методологии. При ее использовании, т. е. в процессе исследования текста, особое значение придается «личным переживаниям». Тем

самым налицо обращение к герменевтике — искусству и теории истолкования текстов, исходя из их содержания, а не из их объяснения через контекст, повышенный интерес к герменевтическому аспекту философии.

Сегодня популярность герменевтической методологии в значительной степени объясняется разочарованием исследователей в глобальных объяснительных схемах, попытках универсализировать общественное сознание, ограничить его рамками поверхностных логических рассуждений. Под сомнение поставлены примат политического и опора на эмпирические методы, составлявшие долгое время фундамент исторической науки. Другой существенной причиной популярности герменевтики стало возвращение исследователей к проблемам самого источника, более детального раскрытия находящейся внутри него информации.

Современная герменевтическая методология опирается на опыт научных изысканий Х.-Г. Гадамера, «в центре внимания которого оказалась именно проблема традиций в европейской культуре, их роль в духовной жизни общества, а также угроза самому существованию традиций в европейской культуре, уже без того сильно потесненных индустриальной цивилизацией»¹¹.

Будучи учеником известного философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамер считал, что изучение и истолкование языка является основой познания всей человеческой культуры. Понимание при этом выступает как продукт культуры. Оно достигается грамматическим истолкованием языка, изучением исторических реалий и вскрытием намеков, смысл которых сделался со временем непонятным. Герменевтические изыскания сопровождаются психологическими и культурно-философскими исследованиями личности той или иной эпохи.

Важнейшим условием функционирования текста является его свойство быть понятным. А понимание достигается, как хорошо известно, 1) грамматическим истолкованием языка, 2) изучением исторических реалий, 3) раскрытием намеков, смысл которых сделался со временем непонятным, 4) конкретно-психологическими изысканиями, 5) рассмотрением «закономерностей формы произведения»¹².

Творческий процесс интерпретации обычно выстраивается следующим образом: автор и предмет; в зазоре между ними —

некоторое идеальное, эстетически возделанное пространство; автор трудится, пространство простирается, предмет претерпевает. В этой полосе имеется и четвертый элемент — метод, бытие или небытие которого трудно доказать.

Толкование текста заключается в преодолении лингвистического, психологического и социально-культурного пространства, отделяющего читателя-исследователя от автора. Эта задача решается с помощью набора тех или иных методов. Так, Ф. Шлейермахер, отдавая предпочтение психике, еще в 1920-х гг. выдвинул идею о психологическом «вживании в текст». Позже, выделяя в акте понимания чувствование себя и интуицию, Л. фон Ранке подчеркивал, что в процессе интерпретации сознание, интересы исследователя должны отсестаться на второй план, чтобы предмет исследования (текст) мог воздействовать на интерпретатора, а не наоборот. В. Дильтей постулировал формулу переживания как совокупности актов любви, ненависти, восторга, безразличия, отчаяния и равнодушия. А затем М. Хайдеггер важнейшую роль в толковании текста стал придавать слову, посредством которого различал фазы его изучения. Возводя слово в ранг креативной силы и последней онтологической основы, он декларировал: «Не быть вещам, где слова

нет»¹³. Х.-Г. Гадамер выделил умение понимать весь текст в зависимости от его составных частей, приходиться к собственной точке зрения.

Для современных представителей лингвистического подхода становится важным понимание коммуникативных связей объекта и субъекта исследования, выделение контекстуальных форм повествования или же его структурный анализ. Примером может служить метод смысловых разверсток исследуемого материала, заключающийся в адаптации наиболее сложных определений, слов и фраз для понимания исследователя. Всего выделяют семь этапов разверстки.

1. Синонимическая разверстка. На этом этапе исследователь выясняет специфику того или иного понятия через сходство.

2. Антонимическая разверстка, во время которой уясняется специфика понятия через противопоставление.

3. Этимологическая разверстка — исследуется происхождение понятия, его первичный социальный контекст.

70

4. Корнесловная разверстка, когда исследователь прорабатывает специфику понятия через его вариации.

5. Частотная разверстка; на этом этапе важным является восприятие ассоциативно-чувственных понятий.

6. Разверстка «кустов толкования», которая предусматривает построение ассоциативно-словарного перечня к исследуемому понятию. В этом случае возможна фреймовая модель анализа.

7. Идеографическая разверстка, заключающаяся в восприятии специфики понятия через описательно-смысловые сопоставления¹⁴.

Так или иначе, понимание текста достигается прежде всего с помощью психологического метода. Исследователь, интерпретирующий текст, должен поставить себя на место его создателя, т. е. того, кто породил мысль или свидетельство, которое следует постичь. Однако, если представители герменевтического направления в XIX в. ставили своей задачей понимание текста прошлых эпох на уровне представления его автора, то уже в XX в. считают, что текст необходимо понимать лучше, чем его автор, находить в нем информацию, спрятанную между строками, осуществлять импликацию по типу «если..., то...» и др.

Интерпретация текста является основой герменевтики как операции по его пониманию. Примером может служить герменевтическое толкование источников средневекового жизнеописания трубадуров, на основании чего можно выяснить кодекс куртуазного поведения между представителями различных социальных слоев¹⁵.

Демонстрируя превосходство герменевтики перед другими традиционными методами исследования, российский историк А. Л. Юрганов приводит следующий пример. Автор русской средневековой «Повести об убиении Андрея Боголюбского» написал, что главарь заговорщиков Петр отсек князю правую руку. Однако при изучении останков князя в 1934 г. специалисты выявили, что правая рука Андрея Боголюбского не была повреждена, а вот на левой — остались явные следы сабельных ударов. Эксперты предположили, что летописец попросту ошибся. Между тем, считает ученый, современники прекрасно знали, что удары сабли Петра пришлись на левую руку князя. На древнерусских

71

миниатюрах, иллюстрирующих рассказ о финале трагедии, изображена женщина, которая стоит подле поверженного князя держит его левую руку, а не правую. Ключ к разгадке летописной «ошибки» А. Л. Юрганов находит в христианских символах. В «Евангелии от Матфея» сказано: «И если правая рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (Матф. 5. 30). Очевидно, что автор «Повести», стремясь показать греховную сущность Андрея

Не менее интересным выглядят рассуждения А. Л. Юрганова об опричнине Ивана Грозного. Ученый считает, что с помощью репрессий царь пытался реализовать свою божественную власть — устроить Страшный суд. В ознаменование этих свершений он построил Опричный дворец, внешне напоминавший Град Божий в описании Иезикииля. Опричные воины носили с собой голову собаки и метлу — атрибуты народов Гога и Магога, которые будут по преданию судить грешников перед концом мира. Казни ни в чем не повинных жителей Новгорода и Пскова совершались согласно описаниям Иоанна Богослова. В представлениях А. Л. Юрганова опричнина воспринималась современниками следующим образом: «Опричнина» — своеобразная мистерия веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом¹⁶.

В последнее время к анализу текста активно подключается лингвистика. Если вплоть до 80-х годов XX в. она ограничивалась лишь грамматическим анализом предложения, а текст был исходным материалом для изучения природы элементарных языковых единиц, то ныне (в связи с «лингвистическим поворотом») текст начал анализироваться и как продукт социально-речевой деятельности: к его анализу привлекаются достижения семантики, функциональной стилистики, логики и др. Бытие текста представляется не просто фактом его пребывания в мире, а тем определенным способом его существования, которым и в котором выражена его специфика, социальный смысл и назначение.

Выяснение природы текста неразрывно связано с подходом к его изучению. Дефиниций понятия «текст» оказалось столько же, сколько авторов работ, принадлежащих к данному направлению. Это обстоятельство позволяет, не сопоставляя довольно

противоречивые формулировки, предложить вариант дефиниции, по которому текст — это «внешняя форма системной организации, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора, обладающая семантическим, прагматическим единством, обработанная в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка»¹⁷.

Понимание текста как системы становится важнейшим методологическим принципом лингвистики. Он позволяет раскрыть всю сложность текстовой системы, которая заключается прежде всего в том, что она многослойна — складывается из ряда подсистем, вычленимых на основе структурного подхода, под которым понимается определенная упорядоченность внутри каждого текста, соответствующего: а) логике коммуникации — целям и намерениям автора; б) логике отраженного в тексте мира; в) внутренней логике самого текста; г) законам знаковой системы.

Такой подход расколол научное общество на историков, придерживающихся традиционного мировоззрения, и философски ориентированных «новых» историков, например, деконструктивистов.

В мировоззрении традиционных историков тексты — это «некий порядок значений, в них заключенных, символических структур, выражений, действий..., что составляет социально-культурную историю. Ее результаты — тоже тексты, представленные в форме рассказа, насыщенного повествования, т. е. такого текста, в котором дается как можно больше иерархий культурных значений, — текста, открытого для дальнейших интерпретаций»¹⁸.

С точки зрения деконструктивистов тексту присущи стереотипы, аксиоматические категории, оценочные суждения, предрассудки¹⁹.

В разных подходах к проблеме текста есть общие моменты. Прежде всего, многое зависит от создателя текста (обычного письма, художественного произведения и т. п.). Естественно, любой автор старается, чтобы произведение дошло до сердца читателя, не было «бессвязным набором иероглифов»²⁰. Однако личность читателя тоже играет немаловажную роль. И не только потому, что читателей много, а еще и по той причине, что все они отличаются индивидуальными особенностями, которые ста-

вят автора в прямую зависимость. Иначе говоря, «читатель, сам того не ведая, является соавтором книги еще задолго до того, как она до него дойдет. Он живет с автором в часы колебаний, решений и борьбы. Автор ощущает на себе его взгляд, ждет его смеха или слез, готов отступить, если заметит у него гримасу нетерпения, недовольства, гнева»²¹.

В свою очередь ситуация, когда историк работает с источником, всегда предполагает наличие определенного разрыва, несовпадения суждения автора источника и его современного восприятия. Интерпретация в данном случае — это установление смысла, который вкладывает автор источника в свое произведение.

По этой причине важное значение приобретает сам факт понимания текста. Оно неразрывно связано с сознанием читателя. Процесс осмысления текста «смыкает» воедино то, что содержится в нем и то, что происходит в сознании читающего. В свое время президент Американской исторической ассоциации К. Беккер не без основания утверждал, что документы, свидетельствующие об исторических фактах — газеты, письма, дневники и т. д. существуют как листы бумаги, на которые нанесены чернила или типографская краска. Они оживают, когда к ним прикасается историк, когда их понимают.

Историческое развитие любого народа или государства может рассматриваться и как внутреннее, естественное развитие (язык), и как влияние внешних факторов. Оба процесса тесно переплетены, и можно утверждать, что мы получаем текст как итог коллективной или индивидуальной деятельности.

Все это значит, что смысл текстов в реальной судьбе людей нередко становится не менее значимым, чем смысл поступков. Тексты, в мир которых оказывается погруженным человек, зачастую влияют на него сильнее, чем непосредственные факты его личного бытия. Примером может служить оглашение Манифеста об отмене крепостного права, под влиянием которого в населенных пунктах собирались десятки, сотни крестьян, сплоченных не каким-нибудь азартом, а общим интересом. Недовольство крестьян положениями Манифеста, которое вылилось в разгром помещичьих имений, свидетельствовало о том, что поляризация общественных сил обозначила себя со всей резкостью. Каждый кре-

стьянин ощутил, что он причастен к той силе, которая свойственна группе. И эта сила в той обстановке острых социальных противоречий не могла не проявить себя как сила социальная.

Понимание текста может одновременно дать и представление о последствиях, о том, чего в тексте не дано. Не случайно, понятие «текст» стали напрямую связывать с понятием «существование»: «заговорили» о тексте жизни. Это не просто метафора, а выход понятия «текст» за узкие для него феноменологические границы.

Вообще существует мнение о том, что мир, созданный природой, и есть текст и важно прочесть сообщение, заключенное в нем. Этот текст может быть выражен в знаковой форме: тогда он становится объектом лингвистического исследования, т. е. исследования физического воздействия человека или поступка, который в свою очередь не может быть понят вне его возможного знакового выражения (мотива, цели, стимула, степени осознанности и др.). Именно поэтому для ученых, в частности историков, важны не только события, но и тип мышления людей, который обеспечивал существование и функционирование его выражения.

Таким образом, для изучения текста большое значение имеют герменевтика и лингвистические методы. При этом правомерно встает вопрос об их идентичности в интерпретации текста. И та и другие имеют своей целью раскрытие целостности текста на его известном срезе, определение специфики текста. Однако если герменевтика детерминирует его рамками научно-рационалистического толкования, то лингвистика исходит из принципиальной невозможности формально-логического определения природы текста, из его социальной сущности. Вместе с тем, лингвистика, занимаясь своим аспектом изучения природы текста, фактически дополняет исследовательские усилия герменевтики, собственной задачей которой является интерпретация текста.

¹ Андреева К. А. Текст-нарратив: опыты структурно-семантической интерпретации. Тюмень, 1993. С. 8.

² Цит. по: Бзаев К. К. Процесс территориального генезиса Руси. Владикавказ, 1993. С. 3.

³ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 10.

⁴ Грабцевич З. М. К вопросу о происхождении названий «Белая Русь», «Черная Русь» и «Красная Русь» // Ученые записки. Научно-теоретический журнал. 1999. № 2. С. 51.

⁵ Артамонов М. И. История хазар. М., 1962. С. 289.

⁶ Піліпенка М. Паходжанне беларускага народа. Мн., 1995. С. 13.

⁷ Буре А. Русская Литва и нерусская Россия: Секретные исследования // Аналитическая газета. 20 апреля 2001 г. С. 10.

⁸ Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 9.

⁹ Буре А. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ См.: Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн., 2000. С. 137—145.

¹¹ Герменевтика и музыкознание. М., 1984, С. 3.

¹² Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 420.

¹³ См.: Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. М., 1975. С. 84.

¹⁴ Сухарев Ю. К. К искусству смысловой дифференциации. М., 1993. С. 22—23.

¹⁵ См.: Жизнеописание трубадуров. М., 1993.

¹⁶ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 404.

¹⁷ Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Мн., 1997. С. 8.

¹⁷ Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Мн., 1997. С. 8.

¹⁸ Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. 1998—1999. М., 1999. С. 63—64.

¹⁹ Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 11.

²⁰ Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998. С. 129.

²¹ Тарандовский Ф. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни. М., 1985. С. 252.